

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГИПОТЕЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Мы предлагаем вам, читатели, гипотетический анализ экономических процессов, с которым выступил 29 января в достаточно узкой аудитории Егор Гайдар, тридцатичетырехлетний директор только что созданного в Москве Института экономической политики. Гайдар принадлежит к новому поколению отечественных экономистов-профессионалов, для которых экономика "всего-навсего" наука. Этой-то "мелочи" и не хватало нам до сих пор.

Публикуя экономический анализ, мы не очень опасаемся того, что специфическая терминология докладчика не позволит сделать каждому читателю свои выводы и при случае ими воспользоваться.

В работах, посвященных советской экономике и написанных в последние пять лет, просматривается одна общая парадигма: рынок - хорошо, административно - командная система – плохо. Мысль, не вызывающая, по сути дела, сомнения, но уж очень банальная.

В начале перестройки перед экономистами стояла задача; как бы эту мысль вообще донести сквозь цензуру до широкой публики. Со временем появилась возможность открыто обратиться к этой проблеме и заняться ею. Стали прорабатываться вопросы, связанные с использованием рыночных механизмов и адаптацией этих механизмов к советской экономике, внедрением в нее рыночно - ориентированных моделей и т.д.

Задача не бесполезная, но все-таки не научная, а скорее производственно-конструкторская: как приспособить накопленный в мире потенциал современной экономической мысли к сложившимся в СССР реалиям. Смысл, таким образом, состоит в том, что нам предстоит переход из тупикового направления экономического развития, в который мы зашли в результате исторических обстоятельств, на нормальную траекторию экономического развития. Задача в том, чтобы совершить этот переход с минимальными издержками и в возможно короткие сроки.

Как правило, берут нормальную структуру экономики, например, современную экономику США, и говорят, что мы придем к таковой, скажем, в 2005 году.

Как гражданин я был бы рад, если бы наше развитие пошло именно так. В этом случае можно было бы поступиться своими научными амбициями. Но, к сожалению, ряд факторов заставляет предположить, что на деле все пойдет существенно иначе.

То есть та экономическая реальность, которая сформируется на месте экономики административно-командного типа, будет устойчивой, будет охватывать довольно длительный исторический период, она будет весьма специфичной и существенно отличаться как от того, что ей предшествовало, так и от нормальных рыночных экономик Запада.

Что это за факторы?

Во-первых, было бы странным, если бы многодесятилетний опыт жизни без рынка, при отсутствии частной собственности не сказался бы на том строе, который сложится после того, как существующая целостная иерархия разрушится. Родимые пятна административной системы, конечно, будут проявляться в экономике, которая придет ей на смену.

Это будет экономика, становлению которой предшествуют радикальные перераспределения собственности и власти, и где новая структура этого перераспределения не имеет исторической легитимации.

Во-вторых, это будет экономика, в которой произойдет радикальное перераспределение текущих доходов. Намного изменятся сложившиеся и привычные традиции распределения доходов различных социальных групп. И кроме того, это будет экономика с относительно крупным государственным сектором. Ибо, как бы мы ни форсировали процесс приватизации, очевидно, что наш госсектор в полной мере приватизировать не удастся.

Это значит, что мы будем иметь экономику, которой имманентно присущ сильный конфликт вокруг распределения собственности, власти и доходов; экономику, где сложившиеся пропорции распределения не являются общепринятыми и взаимоприемлемыми для разных социальных слоев; экономику, чрезвычайно чреватую социальными конфликтами, что всегда и везде приводит к периодическим всплескам высокой инфляции. Доминирующий государственный сектор всегда будет ограничивать возможности антиинфляционной политики в силу слабой реакции госпредприятий на финансовые ограничения, на изменения ставки процента и т.д.

Но если речь идет об экономике с периодически повторяющимися всплесками высокой инфляции, то ей должны быть присущи определенные специфические черты, отличающие ее от нормальной западной экономики. Прежде всего это очень нестабильные темпы роста цен, с быстрыми скачками всех номинальных параметров. В этом случае предельно непредсказуемы результаты долгосрочных и крупномасштабных инвестиций в основные фонды. Это значит, что активность частного сектора переключается на сферы с относительно коротким оборотом капитала, не требующим вовлечения в проекты, отдача от которых в

условиях быстрых и непредсказуемых изменений цен, валютного курса и реальной ставки процента, является, по сути, карточной игрой.

Кроме того, в условиях периодических всплесков высокой инфляции задача сохранения сбережений является сложной, и нетривиальной. Отдача от различного вида ценных бумаг очень трудно прогнозируема, отсюда естественны ограничения на формирование рынка ценных бумаг. Снижаются также нормы добровольных сбережений населения.

Поэтому возникает потребность в инвестиционной активности государства. Оно вынуждено, вне зависимости от идеологических ориентиров, брать на себя частично те функции, которые не может выполнять частный сектор.

Здесь возникает экономика с очень быстрыми и непредсказуемыми номинальными параметрами, но с весьма слабым влиянием этих параметров на реальную жизнь.

Так как реальная экономика не может прыгать так быстро, как номинальные параметры, то появляется необходимость в амортизаторах: тарифная защита отраслей, оказавшихся в неблагоприятных условиях, налоговые и кредитные - льготы, относительно низкая ответственность за неплатёжеспособность и т.д.

Таким образом, может возникнуть относительно устойчивая реальность, в рамках которой сохраняется относительно ригидная экономическая структура, унаследованная от административно-командной системы, но с резкой дифференциацией доходов. И на смену несбалансированному дефицитному рынку приходит сбалансированный потребительский рынок с быстро растущими ценами. В этом случае мы просто размениваем дефицит на рост дифференцированных доходов.

Если предположить, что на смену застойной экономике приходит экономика нестабильная, то тогда тот процесс, который мы переживаем сегодня, - это не просто исторически короткий промежуток между казарменным социализмом и устойчивым капитализмом, а это первая вспышка высокой инфляции в рамках этой нестабильной экономики.

Отсюда могут возникать представления, что нас ждет впереди.

Теперь о текущем инфляционном кризисе. Его начальный период - 1985 - 1987 годы. Целый набор факторов позволил в начале пятилетки вывести систему из стационарного состояния и запустить механизмы инвестиционного цикла. Это антиалкогольная кампания, которая сильно дестабилизировала потребительский рынок; еще один фактор - падение цен на нефть. Эти два фактора наложились на инвестиционный бум, на скачок капвложений с 3,6 процента в 1985 году до 8,4 в 1986-м. Далее события развиваются довольно стандартно: за капвложениями ускоряются темпы экономического роста; растет незавершенное строительство; нарастают трудности с бюджетом; ускоряются темпы роста денежной массы;

усугубляются - трудности внешнеэкономические; возрастает задолженность; происходит развал потребительского рынка. Все это в 1988 году потребовало резкого поворота в экономической политике. Попытки внести изменения в хозяйственный механизм назвали "экономической реформой".

В период пика диспропорций, порожденных инвестиционным бумом, в начале пятилетки принимается Закон о кооперации в СССР, переводятся предприятия на полный хозрасчет в широких масштабах, резко либерализуется механизм контроля за расходом заработной платы.

Естественными следствиями этих действий являются; во-первых, резкое падение отчислений в бюджет от прибыли предприятий; во-вторых, резкий рост дифференциация доходов; в-третьих, не менее резкое возрастание остатка средств, оставленных в распоряжении предприятий.

Таким образом, рождается мощный инфляционный потенциал, направленный на восстановление нарушенных пропорций в оплате. Это, в свою очередь, накладывает на эксперименты с рабочим самоуправлением, на ослабление контроля государства за распределением занятости и на накачивание в фонды предприятий крупных финансовых ресурсов. Естественно, выходят из-под контроля номинальная зарплата, и темпы ее роста резко ускоряются.

Сочетание инвестиционного цикла с экономической реформой не является беспрецедентным. Здесь происходят вполне предсказуемые процессы. Когда в результате расстройств рынка и дефицита платежного баланса приходится резко сокращать централизованные капитальные вложения, то в новых условиях управлять таким сокращением очень сложно. Правительство хочет их сократить, а предприятия делают прямо противоположное. Естественная реакция правительства - попытка ограничить темпы роста денежных доходов населения, чтобы как-то поправить положение на потребительском рынке, а предприятия, накопившие крупные финансовые ресурсы, постоянно повышают зарплату. Реакция правительства в условиях устойчивой административно-командной системы тоже естественна - это замораживание финансовых фондов предприятий; разрыв введенной связи между динамикой прибыли и средствами, оставляемыми в распоряжении предприятий; введение более жесткого контроля за расходованием средств на оплату труда и т.д. Словом, происходит демонтаж того незначительного, что хоть в какой-то мере стимулировало труд.

Так развивались события в Чехословакии при реформе 1958 -1963 годов и в Польше в 1975 году. Нас отличает то, что наша реформа - происходит не на фоне целостной устойчивости тоталитарного режима, а на фоне, его ломки и общей политической

дестабилизации. Это наложение крупных диспропорций на потребительском рынке на политическую либерализацию, радикально меняет ситуацию, поскольку резко ограничивается свобода для маневра центра в обеспечении сбалансированности экономики.

Просыпающееся общество видит огромный разрыв между тем уровнем потребления, на который оно вправе, рассчитывать, и тем, что происходит в реальности. Отсюда стремление, как можно скорее преодолеть этот разрыв, и в первую очередь за счет экспансии различного рода социальных расходов и дотаций. К 1989 году возникает специфическая ситуация, когда у нас идут вниз капвложения, сокращаются закупки производственных ресурсов по импорту (часть его переключается на закупки товаров народного потребления), но в то же время бурно растут социальные расходы, неконтролируемо растут номинальные доходы населения.

Вот та реальность, с которой мы вошли в 1990 год. В течение его можно отметить два любопытных процесса. Это, во-первых, резкое падение темпов роста производства и общее сокращение прибыли на фоне резкого ослабления рубля и бартеризации экономики. Во-вторых, - перепад мая прошлого года, так называемое "бегство" от денег. Именно в то время ухудшение на потребительском рынке было приостановлено. Это было связано с бурной экспансией потребительского рынка. В первом квартале прошлого года потребительский импорт вырос на 34 процента, закупки товаров легкой промышленности - на 40. Разумеется, такие темпы долго сохраняться не могли, но они позволили несколько смягчить диспропорций на потребительском рынке, и впервые за последние годы у нас начали расти запасы товаров в розничной торговле.

Однако майское объявление правительства о предстоящем повышении цен на 65 процентов внесло перелом в ситуацию, вызвало массовое "бегство" от денег. Началось резкое сокращение запасов. Уже за май они снизились более чем на 2 млрд. рублей, и процесс дальнейшего сокращения проистекал с нарастающими темпами.

Это наложило на резкое сокращение потребительского импорта из-за серьезных валютных трудностей. Был прерван ряд контрактов. Например, если в легкой промышленности за первое полугодие по импорту был 40-процентный рост, то уже за третий квартал мы имели пятипроцентное сокращение закупок. И такое сокращение произошло практически по всем видам потребительских товаров. Важнейший амортизатор был исчерпан.

С октября прошлого года стало ясно, что любые надежды на финансовую стабилизацию экономики, связанные с сокращением военных расходов, капитальных вложений, переключением импорта, на потребительские товары, уже не оправдываются, и всего этого уже недостаточно, чтобы улучшить финансовое положение и войти в рынок с некоей гарантией от гиперинфляции. И если – говорить о том, что мы наблюдаем сегодня, то

это переход инфляции в подавленно-открытую форму. В 1991 году после повышения оптовых цен и введения цен договорных совершенно неизбежно резкое ускорение темпа роста инфляции, всех номинальных показателей темпов роста производства на фоне плавного (в лучшем случае) снижения его объемов, которые с осени 1988 года ускоренно падают вниз.

В условиях подавленно-открытой инфляции, когда имеются одновременно относительно высокие темпы роста цен и сохраняющийся дефицит на все виды рынка, развитие кризиса в отдельных отраслях и регионах, идет по специфически быстрой кривой.

Так как цены становятся неконтролируемыми, то резко усугубляются проблемы отраслей с контролируемыми ценами: это отрасли, работающие на монопольные рынки (железные дороги, энергетика, связь, городской транспорт, вооружение, тяжелое машиностроение и т.д.). Здесь очень быстро растут цены на потребляемые ресурсы, а повышение цен на изготавливаемую продукцию требует политического решения. Поэтому в этих отраслях и регионах резко падает рентабельность, растут убытки, возникают серьезные проблемы и острые социальные конфликты (несвоевременная выплата зарплаты, сокращение дотаций, реальных доходов - все это может привести к забастовкам, задержке поставок и т.п.). Поэтому развитие отраслей, работающих на государственный рынок с фиксированными ценами, будет протекать особенно болезненно.

Еще один дополнительный фактор, который будет довольно сильно сказываться, - это проведенная только что павловская реформа денег, последствия которой - это ускорение их оборота, усиление инфляционных процессов на всех видах рынков с параллельным сокращением всех организованных форм денежных сбережений и с резкой бартеризацией и долларизацией экономики.

Наиболее серьезная проблема сегодняшнего дня связана с формами и сроками повышения розничных цен. Всем очевидно, что повышать их надо в первом квартале, не позже 1 марта. Но вот кто и как будет проводить это повышение? Здесь есть элементы неопределенности, связанные, конечно, с политическими факторами. И Союз, и республики, и местные органы власти предпочли бы, конечно, снять с себя ответственность за принятие этой непопулярной меры.

Наиболее вероятным решением в этой ситуации, мне кажется, будет повышение цен по образцу того, что было предложено в мае прошлого года, но несколько большее по масштабу, так как с того времени оптовые цены значительно выросли. Компенсация населению, видимо, составит не более двух третей от прироста за счет повышения цен.

Но за счет повышения розничных цен сохранить экономическую сбалансированность не удастся. И реформа будет максимально жесткой с социальной точки зрения, потому что

общество, получив более высокие цены, не получит никакой расплаты за них в виде относительно сбалансированного товарного рынка.

Но все же я думаю, что население, готово к такому повышению и социального взрыва не последует. В любом случае, независимо от того, кем и как будет проведено повышение цен, максимальные издержки за это лягут на центр, потому что и "коммунисты" ползковского типа, и "демократы" постараются извлечь максимальные политические дивиденды, переложив ответственность за это одни на "окруживших президента экономистов-рыночников", другие на "аппаратчиков из центра". Так что весьма вероятно, что это будет последняя экономическая мера, которую удастся провести сегодняшней структуре власти.

Интересно то, что с повышением цен мы не введем в собственном смысле свободные рыночные цены. И у нас возникает специфичный период, в котором будут быстро изменяться цены и сохраняться дефицит на разные виды товаров. И, видимо, это и будет тем фоном, на котором станут разворачиваться процессы в 1991 году, а может, и чуть дольше.

Ясно, что у нас будут регионы относительного бедствия в силу того, что отрасли там мало приспособлены к бартерному обмену продукции. Но будут и регионы относительно благополучные в условиях бартера. Это регионы с концентрацией сельхозпродукции, экспортно-сырьевые отрасли и т.д.

Подавленно-открытая инфляция никогда не длится вечно, и из нее практически невозможно выйти в ситуацию относительно сбалансированной экономики, с тем чтобы размораживать цены. Таким образом, мы оказались в ситуации, когда придется рано или поздно размораживать цены или они сами разморозятся на фоне деградации рычагов централизованного контроля. И тогда подавленно-открытая инфляция перейдет в высокую открытую, или в гиперинфляцию.

Гиперинфляция - это наше неизбежное будущее, но будущее, скорее всего, не этого года. Это значит, что мы с точки зрения среднесрочной перспективы можем прогнозировать динамику целого ряда важнейших макроэкономических показателей на перспективу в два, три, четыре года, не зная, разумеется, когда именно инфляция перейдет в открытую форму и когда создадутся предпосылки для финансового оздоровления экономики.

Что же будет происходить?

Дефицит бюджета достиг пика в 1991 году и некоторое время будет еще расти, после чего он резко пойдет вниз, к величине, близкой к нулю. То же самое произойдет с темпами роста денежной массы. Далее, если мы сводим дефицит госбюджета к величине близкой к нулю (а иначе в условиях гиперинфляции нельзя стабилизировать экономику), то темпы роста капитальных вложений будут отрицательными.

Сейчас дотации в валовой национальный продукт составляют - 20 процентов. При размораживании цен на этапе стабилизации гарантировано совершенно, что дотации идут к нулю. Темпы роста военных расходов прогнозировать не будем, это зависит от того, кто именно будет проводить стабилизацию. Но как показывает практика, военные расходы растут примерно на один - два пункта валового национального продукта (ВНП). Но то, что сокращаются на этом фоне социокультурные расходы, пенсии и т.п., - это совершенно очевидно.

Гиперинфляция нигде в мире еще не продолжалась, более двух лет, так что период ограничен этим сроком. Польша показала, что можно войти и выйти из гиперинфляции за год.

Затем наступит период стабилизации экономики. Она пойдет на фоне сокращения строительно-монтажных работ, на фоне заметного падения темпов производства машиностроения (сокращение инвестиционного срока). Курс доллара, достигнув максимума в период гиперинфляции, начнет падать, потому что появится возможность заменить его в обороте устойчивой внутренней валютой. Трудно сказать, на какое время придется период стабилизации на 92-й, 93-й годы, но общая политика это задана, она жесткая, и ее нельзя избежать.

Вот после этого периода стабилизации экономики, который у нас неизбежен, возникнет та экономическая реальность, которую можно назвать нестабильной экономикой. Для нее будет характерна перемежающаяся череда периодов высокой инфляции и периодов насильственной стабилизации. В политике это выразится чередой слабая власть - жесткая власть. Первая - на этапе инфляции и вторая, жесткая, - на этапе стабилизации.

Процесс стабилизации очень болезненный, и любое правительство, которое будет его проводить, обречено на крайнюю непопулярность и останется в памяти как злодейское и "антинародное".

Может прийти либеральное правительство или авторитарное (альтернатива всегда есть). Стабилизация может пойти как на фоне дальнейшего роста дифференциации доходов, так и на фоне их относительного сокращения. Но стабилизация может происходить и на фоне реставрации административно-командной экономики. Это значит, что сегодня эта система лишь выведена из состояния равновесия, и агония ее как устойчивой целостности, опирающейся не только на силу штыка, но и на консервативность населения, будет продлена.